

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.7.13>

Цубикова Любовь Сергеевна

КОНФИСКАЦИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ ИМУЩЕСТВА РАСКУЛАЧЕННЫХ (НА МАТЕРИАЛАХ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ И КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

Данная статья посвящена вопросу конфискации и реализации имущества раскулаченных. На основе архивных и нормативно-правовых документов рассматривается процедура изъятия имущества и передачи соответствующим органам (колхозам, сельсоветам) и лицам (беднякам, батракам, переселенцам). Автор пришел к выводу, что данные процессы сопровождались большим количеством нарушений в силу недостаточной организованности и желания местных органов власти соблюдать правовые рамки, в то же время сложившаяся правовая база позволяла практически полностью изымать у кулака собственность (средства производства, "промышленные предприятия", зерно и т.п.) и землю.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/7/13.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 7. С. 70-74. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(57)

Дата поступления рукописи: 08.05.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.7.13>

Данная статья посвящена вопросу конфискации и реализации имущества раскулаченных. На основе архивных и нормативно-правовых документов рассматривается процедура изъятия имущества и передачи соответствующим органам (колхозам, сельсоветам) и лицам (беднякам, батракам, переселенцам). Автор пришел к выводу, что данные процессы сопровождались большим количеством нарушений в силу недостаточной организованности и желания местных органов власти соблюдать правовые рамки, в то же время сложившаяся правовая база позволяла практически полностью изымать у кулака собственность (средства производства, «промышленные предприятия», зерно и т.п.) и землю.

Ключевые слова и фразы: раскулачивание; кулаки; собственность; Восточная Сибирь; выселение.

Цубикова Любовь Сергеевна, к.и.н.

Ангарский государственный технический университет

lkor11@mail.ru

КОНФИСКАЦИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ ИМУЩЕСТВА РАСКУЛАЧЕННЫХ (НА МАТЕРИАЛАХ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ И КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

Раскулачивание – одна из обсуждаемых тем советской истории, по которой написано достаточное количество трудов, составлено сборников документов. Ученые, изучая раскулачивание, чаще обращаются к проблеме человека, его судьбы, анализируя процессы выселения, взаимоотношения власти и общества и т.д. **Целью** же данной работы является на основе архивных документов рассмотреть вопрос «судьбы» имущества, собственности, изымаемой у раскулаченных. Для ее решения поставлены **задачи**: определить нормативно-правовую базу, на основании которой происходила экспроприация имущества, раскрыть процедуру изъятия, способы передачи и «судьбу» следования, распределения имущества по отдельным организациям, фондам и т.д., а также выявить нарушения при раскулачивании.

Данная тема **актуальна** не только с точки зрения регионализации изучаемых процессов, но и в той части, где предпринята попытка рассмотреть вопрос значения реализации изъятых имущества у кулаков. Это и составило **научную новизну** статьи. При этом следует отметить, что его изучение осложнено отсутствием на государственном уровне комплексных статистических данных по качественному и количественному вливанию изъятых имущества в экономику страны, соответственно, последний факт усиливает ценность региональных и местных источников.

Исследователи-аграрники, например, М. А. Выцлан, Н. А. Ивницкий, Ю. А. Поляков, отмечали роль имущества раскулаченных как способствующего материальному укреплению колхозов, другие считали, что уже сам процесс конфискации явился «орудием упреждения колхозов» [3, с. 18; 17, с. 344]. Современные историки также пишут, что изъятые имущество стало материально-технической и животноводческой базой колхозов [14, с. 126; 16, с. 42]. Ученые, рассматривая конфискацию имущества у кулаков, не раз отмечали производил со стороны местных органов власти, отдельных жителей села, партийных работников [9; 10; 12-18].

Источниковой базой работы стали как опубликованные архивные материалы, так и документы, вводимые в научный оборот впервые. Их анализ позволил уточнить региональную специфику изъятия имущества у кулаков в практике восточносибирской деревни.

Процесс массового раскулачивания связывают с реализацией Постановления Политбюро ЦК ВКП от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» (далее – Постановление от 30 января 1930 г.). Однако многие историки отмечают, что он начался раньше – в конце 1920-х [9; 11], чему способствовало усиленное налогообложение, поддерживаемое административными и правовыми методами. Уже тогда активно стали использоваться статьи 60, 61, 107 Уголовного кодекса РСФСР (далее – УК РСФСР), которые предусматривали в том числе конфискацию имущества. Циркуляр № 3/с-5/с, изданный в январе 1928 г. и подписанный исполняющим обязанности Сибкрайпрокурора, полномочными представителями ОГПУ и Предсибкрайсуда, требовал, чтобы статья 107 УК РСФСР касалась «исключительно кулаков, как скупающих хлеб, так и не выпускающих, имеющиеся у них хлебные излишки на рынок» [4, д. 904, л. 18]. Статьи 60 (неплатёж установленных налогов) и 61 (отказ от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производственных работ, имеющих общегосударственное значение) были расширены в 1930 и 1931 гг. соответственно и стали включать меру ответственности специально для кулачества, предполагая помимо конфискации имущества лишение свободы, принудительные работы, ссылку и штрафы, вплоть до десятикратного размера причитающихся платежей [21].

В рамках сельскохозяйственной кампании 1927/1928 по статье 107 УК РСФСР по Иркутскому округу (без г. Иркутска) к лету 1928 г. было изъято 39 402 пудов хлеба, девять молотилок, семь жаток, две сеялки, восемь триеров, одна косилка, два плуга, три дома, одна лошадь и две коровы [6, д. 936, л. 58 – 58 об.].

Часть кулаков, желая избежать экономического давления и не потерять политические права, предпочитала вступать в коллективные хозяйства, соответственно внося туда свое имущество (полностью или частично в зависимости от формы коллективного хозяйства). Но 5 декабря 1929 г. Сибкрайком ВКП(б) принял постановление «О чистке колхозов и других сельскохозяйственных объединений от кулацких элементов», в котором предлагал в срок до 15 февраля провести повсеместную «чистку» и наиболее активных «кулаков» выселить

из районов сплошной коллективизации в необжитые в сельскохозяйственном отношении районы Сибири [9, с. 92]. При таких чистках кулаки выводились из колхоза, а имущество им не возвращалось.

С января 1930 г. раскулачивание проводилось централизованно. Ликвидация кулаков в первую очередь должна была проводиться в районах сплошной коллективизации. Согласно Постановлению от 30 января 1930 г., предусматривались изъятие у них сберкнижек и облигаций, передача паев и вкладов кооперативных объединений в фонд коллективизации бедноты и батрачества и исключение их владельцев из всех видов кооперации. Также конфискации у кулаков подлежали: скот, средства производства, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке, кормовые и семенные запасы. Изымаемые средства производства и имущество передавались районными исполнительными комитетами (рикам) в колхозы в качестве взноса бедняков и батраков с зачислением конфискованного имущества в неделимый фонд колхозов с полным погашением из конфискуемого имущества причитающихся с ликвидируемого кулацкого хозяйства обязательств (долгов) государственным и кооперативным органам [19].

То же Постановление от 30 января 1930 г. расписывало процедуру изъятия собственности, которая должна была производиться особо уполномоченными райисполкомов с обязательным участием сельсовета, председателей колхозов, батрачко-бедняцких групп и батрачковых, а решение о конфискации и выселении – на основании постановления общего собрания членов колхоза и собрания батрачества и бедноты. При конфискации предполагалось составление «точной описи» и оценки конфискуемого имущества, с возложением на сельсоветы ответственности за полную сохранность конфискованного.

Согласно постановлению бюро Канского окружного комитета, кулакам давалось время на освобождение жилого фонда – две недели. В исключительных случаях допускалось переселение до весны в батрачко-бедняцкие дома на окраины сел с тем, чтобы к весне, не позднее 15 мая их из селений выселить [23, д. 804, л. 26-27]. Хотя в действительности раскулачивание весной 1930 г. не ограничилось.

У выселяемых и расселяемых кулаков должны были быть оставлены лишь самые необходимые предметы домашнего обихода, некоторые элементарные средства производства в соответствии с характером их работы на новом месте и необходимый на первое время минимум продовольственных запасов. Денежные средства высылаемых кулаков также конфисковались с оставлением в руках кулака некоторой минимальной суммы (до 500 рублей на семью), необходимой для проезда и устройства на месте. Таким образом, сложившаяся правовая база позволяла практически полностью изымать имущество у кулаков.

Местные органы власти разъясняли, что каждое выселяемое кулацкое хозяйство обязано обеспечить себя, кроме двухмесячного продуктового запаса на время следования в пути, натуральным фондом (натурфонд) в размере: 7 пуд муки продовольственной или 7 пуд 30 ф пшеницы; 13 пуд 8 ф зерна для посева пшеницы, овса, ячменя и ржи; 27 пуд кормового овса [5, д. 27, л. 1]. Но когда началось выселение на практике, то оказалось, что большинство хозяйств не обеспечено натурфондом, в результате чего первые плановые выселения были сорваны. К примеру, в апреле 1930 г. из районов Иркутского округа (Черемховский, Усть-Удинский, Оекский, Жигаловский, Нижне-Илимский, Братский, Заларинский, Качугский, Усольский, Куйтунский, Тулунский, Балаганский, Иркутский, Тагинский, Зиминский) было запланировано к выселению на север Братского района 1264 хозяйства по второй категории, но фактически удалось выселить только 298 хозяйств в основном по причине необеспеченности натурфондом. Куйтунский районный исполнительный комитет отправил 70 кулацких хозяйств без натурфонда, которые с пути следования были возвращены и переведены в третью категорию, хотя и эта категория тоже должна была обеспечиваться натурфондом.

Сводка Иркутского окружного отдела ОГПУ «О ходе подготовительной работы по весенней посевной кампании, коллективизации и раскулачивании» за отчетный период с 25 марта по 7 апреля 1930 г. сообщала: «По Братскому району намечено к расселению по третьей категории 186 хозяйств, сколько же хозяйств обеспечено натурфондом и каким именно – сведений нет. В числе намеченных к расселению 26 – восстановлены в избирательных правах, 14 – с семьями скрылось и 17 – от высылки освобождены. По Тулунскому району намечено к расселению 107 хозяйств, обеспеченность семенами – только 54, тягловой силой и продовольствием – 75, на остальных сведений нет. По Усольскому району намечено к расселению 73 хозяйства, сведений об обеспеченности натурфондом нет. Аналогично этому по Заларинскому району намеченные к расселению 67 хозяйств натурфондом не обеспечены. В Нижне-Илимском районе из 85 хозяйств, подлежащих экспроприации фактически раскулачено только 60. Из раскулаченных – 27 хозяйств законно оформлены, а остальные 33 раскулачены как попало, без надлежащей проверки со стороны рика» [6, д. 1507, л. 176]. Цитируемые документы говорят в первую очередь об отсутствии организованности проводимой кампании, нежелании соблюдать правовые рамки и относительно высокой степени самостоятельности, граничащей с самоуправством, местных органов власти и крестьянских собраний при решении данных вопросов.

На основании постановления СНК СССР от 11 апреля 1930 г. изъятые имущество кулаков пополняло «фонды коллективизации и кооперации деревенской бедноты и батрачества». Имущество описывалось. Так, по Красноярскому округу с начала кампании раскулачивания и по 25 февраля 1930 г. было составлено 2022 описи, конфисковано имущества у 1282 хозяйств на сумму 832 669 руб. [23, д. 804, л. 69-70]. Далее оно распродавалось с торгов или по оценочному акту подлежало передаче колхозам и т.п. В том случае, если кулаки имели недоимки, то со стоимости этого имущества нужно было их выплатить. Восточно-Сибирский краевой исполнительный комитет в постановлении № 69/3 от 25 декабря 1931 г. зафиксировал, что на 20 декабря по краю не реализовано кулацкого имущества на 102 тыс. руб., а колхозы задолжали по приобретенному им кулацкому имуществу – 360 тыс. руб. [4, д. 260, л. 432].

Конфискуемые жилые постройки кулаков передавались на общественные нужды сельсоветов и колхозов или для «общежития вступающих в колхоз и не имеющих собственного жилья батраков» [19, с. 126-130].

В конце 1930 г. при риках стали образовываться специальные комиссии «по пересмотру всех конфискованных у кулачества домов», после чего их часть была передана под школы и дошкольные учреждения.

В дальнейшем закон обязал (п. «ж» ст. 6 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 10 ноября 1930 г.) все дома раскулаченных передавать не колхозам, а сельсоветам [4, д. 242, л. 23].

Другая проблема, в значительной степени решенная с помощью кулацкого имущества, – это вопрос размещения переселенцев. Каждую семью переселенца необходимо было обеспечить отремонтированным домом и надворными постройками. Согласно постановлению бюро Восточно-Сибирского Крайисполкома ВКП(б) «О подготовке к приему переселенцев» от 2 января 1936 г., переданное недвижимое имущество в пятидневный срок оформлялось документально как отданное бесплатно и навечно [7, д. 359, л. 18]. Только за 1935 и 1936 гг. на территории Восточно-Сибирского края было вселено более 6500 семей и планировалось в 1937 г. – 2000. Уполномоченный Восточно-Сибирского Крайкома ВКП(б) Шлегель в информационном письме сообщал, что в 1937 г. край сможет принять максимум 2000 хозяйств, заселив их в готовые дома, но в дальнейшем жилой фонд придется расширять за счет покупки у единоличников [Там же, д. 358, л. 41].

У кулаков изымалась и земля. В селениях, перешедших на сплошную коллективизацию, кулаки, лишеныцы и их семьи, подлежащие выселению, лишались права наделения землей. Объявив приоритет в поддержке и развитии коллективных хозяйств перед индивидуальными и необходимости уйти от дальнеземелья и чересполосицы, государство позволяло в рамках землеустройства производить обмен территориями. В случае несогласия сторон на обмен владельцы паров могли ими воспользоваться только на один посев [4, д. 6, л. 263 об.]. Но, если это было кулацкое хозяйство, то за свою приготовленную землю оно лишалось любого возмещения. Таким образом, колхозы расширяли свои территории за счет обработанных земель, иногда получая их даже с готовым посевом.

О значении полученной земли колхозами свидетельствует следующий факт: комиссия, организованная для проверки колхоза «КИМ» в Куйтунском районе, обратила внимание на снижение стоимости трудодня в 1932 г., на что получила ответ: «...стоимость трудодня выше в 1931 г. потому, что колхозу было передано большое количество кулацкого посева озимыми» [Там же, д. 370, л. 5].

Еще одна важная статья доходов на селе – это наличие «промышленных предприятий», к которым относились мельницы, крупорушки, маслобойни и др., они были как государственные, кооперативные, так и частные. Значение последних было весомым. В 1925 г. в Иркутском округе, к примеру, частными водяными мельницами было переработано 840 046 пудов зерна на муку, кооперативными – 511 588 пуд и государственными – 29 080 пуд [6, д. 904, л. 84]. Наличие таких предприятий у крестьянина (например, по «Положению о едином сельскохозяйственном налоге» от 20.02.1929 г.) позволяло его относить к кулацкому хозяйству, соответственно, с 1930 г. оно попадало под раскулачивание, а имущество изымалось.

Что касается животноводства, то скот, конечно, конфисковывался у кулаков при раскулачивании, но предполагаем, что решающего значения на имущественном колхозном развитии (для большинства колхозов) это не сказалось, так как документы начала 1930-х гг. пестрят сведениями о массовом забое скота в единоличном секторе. Хотя в целом по Сибири к лету 1930 г. было конфисковано: крупного рогатого скота – 60 698 голов, лошадей – 56 586, овец и коз – 143 707 [9, с. 99].

Стоит отметить еще одну категорию жителей села, которая зачастую относилась к обобщенному понятию «кулачество», поскольку имела источник нетрудового дохода, – это служители религиозных культов. В 1930-1931 гг. вышел ряд секретных циркулярных писем и постановлений правительства и Наркомфина об упорядочении налогового обложения религиозных объединений и духовенства, о трудоустройстве лиц, снявших с себя сан. Было увеличено налоговое обложение церковнослужителей. В случае неуплаты налогов их имущество конфисковалось, а сами они выселялись в другие районы страны.

К началу 1930-х гг. в советской России оформилась правовая база, позволяющая закрывать практически любые религиозные объединения. Церковные здания изымались под общественные нужды. Так, в 1930 г. закрылась церковь в с. Михайловском, поскольку там разместили пионерский клуб, в пос. Мишелевка – клуб культуры и обороны. В октябре 1936 г. была закрыта православная церковь в с. Тайтурка, где первый этаж передали под сельский клуб, а второй – под общежитие военной части [2, д. 177, л. 10], и т.д. Кресты и колокола снимали и передавали в фонд индустриализации. Служителям религиозных культов всех вероисповеданий и толков земельные наделы не предоставлялись вне зависимости от хода коллективизации [4, д. 6, л. 263 об.].

На протяжении всего времени проведения раскулачивания архивные документы отмечают нарушения процедуры изъятия имущества, распродажи, к наиболее часто встречаемым относятся:

- конфискация имущества без разрешения на то соответствующих органов. Из спец-сводки Иркутского окружного отдела ОГПУ от 25 февраля 1930 г.: «...в числе перегибов продолжает отмечаться недопустимое поведение целых групп колхозников и отдельных коммунистов, которые без всяких решений сельсоветов по своей собственной инициативе раскулачивают кулаков и все их имущество забирают в колхозы, а некоторые злоупотребляя этим, берут вещи лично для себя. Необходимо отметить, что по данным перегибам местные районные организации, в том числе и райкомы ВКП(б), недостаточно принимают решительные меры» [6, д. 1507, л. 61, 71];

- изъятие вещей, не подлежащих для этого, их присвоение. «В селе Большая Мурта при раскулачивании одного кулака было экспроприровано все имущество вплоть до ложек, в его избу была вселена батрачка Красилова – член ВКП(б), которая совместно с членом ВКП(б) Ивановым разделили между собой всякую домашнюю утварь и съестные припасы (мед, масло, яйца и т.д.), а также было изъято 67 руб., которые также разделили между собой. <...> В отношении Иванова и Красиловой возбуждено уголовное преследование, пока еще не арестованы. В деревне Есауловой Красноярского района при раскулачивании было предъявлено – отдать серги из ушей. На это со стороны кулачки не последовало никаких противоречий. Причем одну

серьгу вытащила собственными руками из ушей, а вторую же вытащить не могла, т.к. она выросла. Тогда члены сельсовета пробовали выдернуть ее, когда же не смогли, то оставили в ухе. Председатель рика, будучи в деревне узнал об этом факте, предложил взятую серьгу вернуть» [22, д. 774, л. 70]. «В Табукском с/совете Черемховского р-на... у 12 раскулаченных кулаков... опись производилась на все предметы, вплоть до постельной принадлежности и т.п...» [6, д. 1507, л. 41, 59]. «...Председатель Гадалейского сельсовета Тулунского района Брылев, совместно с секретарем сельсовета Бородкиным (оба члена партии) во время экспроприации кулацкого имущества купили по дешевым ценам часть имущества лично для себя. Былев и Бородкин исключены из партии, отдаются под суд» [Там же, л. 85];

– нарушался порядок изъятия и передачи имущества. «В с. Талая, Б. Муртинского района конфискованное имущество у кулаков – вместо передачи в колхоз продали с торгов, а потребкооперация воспользовалась случаем и купила на убой пять голов племенного скота. В дер. Толстомысовой Сухобузимского района согнали в один дом все кулацкие семьи и закрыли там их на замок» [22, д. 714, л. 27].

О далеко не единичных случаях нарушения процедуры раскулачивания свидетельствует секретная телеграмма № 2115/сс второго секретаря Сибкрайкома ВКП(б) В. Н. Кузнецова: «[По] Поступающим сведениям [в] процессе раскулачивания [в] ряде мест допускаются грубейшие нарушения директив ЦК Крайкома. Проводя раскулачивание доходят до мародерства, раздевают до гола, занимаются издевательствами, наряду [с] этим, вопреки всем предупреждениям, распространяют направленные [на] кулака меры против также красноармейских хозяйств, [на] заслуженных партизан – все эти перегибы не могут не рассматриваться как контрреволюционными фактами. Крайком еще раз предлагает решительно пресекать подобные извращения, немедленно предании виновных суду, не ослабляя проведения раскулачивания результаты коллективизации. [В] Органы ГПУ сообщать [об] отказе некоторых местных организаций от оставления высылаемым кулакам продовольствия и элементарных средств производства, одежды. Предлагаем обеспечить выполнение указаний Крайисполкома и ПП ОГПУ [по] этим вопросам, неисполнение этих указаний повлечет срыва плана. Персональная ответственность за что ляжет на Вас» [8, д. 125, л. 7].

Факты неправильного изъятия имущества в дальнейшем рассматривались, и согласно УК РСФСР статьи 110 они определялись как должностные (служебные) преступления, за которые предусматривалось лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже шести месяцев. Но на примере председателя сельсовета В. Ф. Сергеева мы видим, что такие случаи могли рассматриваться как дисциплинарное правонарушение. Так, в августе 1932 г. прокурор Усольского района Восточно-Сибирского края, «просмотрев в порядке надзора уголовное дело за № 5250/753 по обвинению председателя Китойского сельсовета Сергеева Василия Фёдоровича в преступлении предусмотренным ст. 110 УК в том, что Сергеев допустил превышение власти по изъятию имущества у гражданина Лесникова, продукты питания распределил между сельским активом, остальную часть имущества распродал, не имея на то разрешения райисполкома и опись имущества последним не была утверждена», постановил: «...дело по обвинению Сергеева Василия Фёдоровича, в уголовном порядке дальнейшим производством прекратить. Возбудить дисциплинарное преследование против Сергеева через президиум Райисполкома» [1, д. 676, л. 94].

Таким образом, при проведении раскулачивания практически полностью изымалось имущество кулаков (скот, средства производства, хозяйственные и жилые постройки, зерно), им самим запрещалась его продажа. В результате чисток они исключались из колхозов, а обобщественное имущество, вносимое ими туда при вступлении, не возвращалось и способствовало пополнению и формированию колхозной материально-технической базы. Часть собственности передавалась в неделимые фонды колхозов, паи и вклады изымались, жилые дома и постройки использовались под школы, дошкольные учреждения и другие социальные учреждения передавались переселенцам; колхозам отдавалась земля, в том числе иногда вместе с посевом, а также техника (молотилки, сепараторы, мельницы и др.). Кампания сопровождалась массовыми нарушениями и злоупотреблениями на местах. Изъятие собственности у зажиточных крестьян привело к фактическому уничтожению социальной группы крестьян-собственников.

Список источников

1. **Архивный отдел Администрации муниципального района Усольского районного муниципального образования.** Ф. 1. Оп. 2.
2. **Архивный отдел Администрации муниципального района Усольского районного муниципального образования.** Ф. 1. Оп. 3.
3. **Выцлан М. А., Ивницкий Н. А., Поляков Ю. А.** Некоторые проблемы истории коллективизации в СССР // Вопросы истории. 1965. № 3. С. 3-25.
4. **Государственный архив Иркутской области (ГАИО).** Ф. Р-600. Оп. 1.
5. **ГАИО.** Ф. Р-1385. Оп. 6.
6. **Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО).** Ф. 16. Оп. 1.
7. **ГАНИИО.** Ф. 123. Оп. 17.
8. **ГАНИИО.** Ф. 154. Оп. 1.
9. **Гущин Н. Я.** «Раскулачивание» в Сибири (1928-1934): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1996. 159 с.
10. **Гущин Н. Я., Ильиных В. А.** Классовая борьба в сибирской деревне, 1920-е – середина 1930-х гг. / отв. ред. В. С. Познанский. Новосибирск: Наука, 1987. 330 с.
11. **Данилов В. П.** Введение. Истоки и начало деревенской трагедии // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы: в 5-ти т. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. С. 13-67.

12. Зеленин И. Е. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930 – 1932 г.) // История СССР. 1990. № 6. С. 31-49.
13. Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов): учеб. пособие для вузов и школ. Изд-е 2-е, доп. и перераб. М.: Магистр, 1996. 288 с.
14. Иевлева О. И. Раскулачивание крестьян в Сухиничском округе Западной области // История: факты и символы. 2016. № 2. С. 123-132.
15. Леконцев О. Н. Борьба с кулачеством в годы коллективизации (на примере Вятской губернии и Вотской автономной области) // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2009. № 12. С. 363-369.
16. Леконцев О. Н. Конфискация имущества кулаков в конце 1920-х – начале 1930-х гг. (на примере территорий нынешней Кировской области и Удмуртии) // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 3. С. 40-42.
17. Степанов М. Г. Политические репрессии в СССР периода сталинской диктатуры (1928-1953 годы): обзор современных историографических исследований // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12. С. 145-149.
18. Суслов А. Б. Изъятие крестьянской собственности в процессе социалистического преобразования деревни в начале 1930-х гг. (на примере Пермского края) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1 (27). Ч. 2. С. 172-177.
19. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы: в 5-ти т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2. Ноябрь 1929 – Декабрь 1930. 927 с.
20. Трифанов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М.: Политиздат, 1975. 408 с.
21. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3132.htm (дата обращения: 23.04.2019).
22. Центр хранения исторической документации Красноярского края (ЦХИДНИ КК). Ф. 10. Оп. 1.
23. ЦХИДНИ КК. Ф. 96. Оп. 1.

**CONFISCATION AND DISPOSAL OF DISPOSSESSED KULAKS' PROPERTY
(BY THE MATERIALS OF IRKUTSK REGION AND KRASNOYARSK TERRITORY)**

Tsubikova Lyubov' Sergeevna, Ph. D. in History
Angarsk State Technical University
lkor11@mail.ru

The article tackles the issue of confiscation and disposal of dispossessed kulaks' property. Relying on archival, normative and legal documents, the author analyses the procedure of property confiscation and its disposal to appropriate bodies (collective farms, village councils) and persons (poor peasants, farm labourers, resettlers). The author concludes that these processes were accompanied by numerous violations occurring as a result of inefficient organization and refusal of local authorities to observe legal norms. At the same time, current legislation allowed full confiscation of the kulak's property (means of production, "industrial enterprises", grain, etc.) and land.

Key words and phrases: kulaks' dispossession; kulaks; property; Eastern Siberia; eviction.

УДК 930.2

Дата поступления рукописи: 07.04.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.7.14>

В статье впервые представлен анализ сформировавшихся в дореволюционный, советский и российский периоды исследовательских направлений в изучении становления, развития и современного состояния музейного дела Бурятии. Авторами на основе выявленного комплекса историографических источников – научных монографий и статей, диссертаций, сборников материалов конференций разного уровня, музеографических изданий и других – показаны основные результаты региональных исследований. Выявлены недостаточно изученные аспекты проблемы и определены перспективы ее дальнейшего изучения.

Ключевые слова и фразы: музей; музейное дело; Бурятия; музейная отрасль; историография; музееведческие исследования.

Цыремпилова Ирина Семеновна, д.и.н., доцент

Немчинова Тамара Александровна, к.и.н.

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ
irina161073@mail.ru; t.nemchinova@mail.ru

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА БУРЯТИИ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XXI В.)**

Актуальность музееведческих изысканий обусловлена приоритетной ролью музеев и учреждений музейного типа в развитии современного социокультурного пространства. В настоящее время музеи не только сохраняют, изучают и репрезентируют культурное наследие, аккумулируя многовековой исторический опыт, но и вносят весомый вклад в формирование привлекательности территории, тем самым способствуя ее социально-экономическому развитию и улучшению качества жизни населения. При этом особенно важным является то, что музейные экспозиции, коллекции и фонды, представляя собой уникальное собрание объектов